

Паоло Вирно, Кристина Кайндль,
Спенсер Саншайн

три текста о новом
фашизме

Свободное марксистское издательство

Перевод - Александр Скидан, Константин Харитонов, В. Граевский

Редактура - Иван Аксенов, Кирилл Медведев

Обложка - Николай Олейников

В сборник вошли три текста, освещающие три области, в которых происходит сегодня столкновение неофашистских и леворадикальных идей. Согласно Паоло Вирно, представителю автономистского марксизма, в эпоху деградации как парламентской, так и «рабочей», «индустриальной» демократии новый фашизм ведет борьбу за колонизацию жизни вне сферы парламентаризма и за пределами «завода и офиса». Кристина Кайндль анализирует отношения неолиберализма и ультраправой политики в электоральной сфере, а историк анархизма Спенсер Саншайн – противостояние левых и неонацистов (т.н. «национал-анархистов») в области субкультуры.

Перевод статей Паоло Вирно и Кристины Кайндль был впервые опубликован на сайте <http://chtodelat.org/>

Перевод статьи Спенсера Саншайна взят с сайта <http://aitrus.info/>

Деньги от продаж сборника будут переданы антирасистской инициативе ПРЯМАЯ ПОМОЩЬ для поддержки антифашистов, столкнувшихся с репрессиями

Об инициативе ПРЯМАЯ ПОМОЩЬ:

antifa.ru/4169.html

vkontakte.ru/club16299634

myspace.com/directhelp

Вы также можете самостоятельно перевести деньги на яндекс. кошелек
41001565810855

Сайт Свободного марксистского издательства

fmbooks.wordpress.com

Паоло Вирно // Тезисы о новом европейском фашизме

1. Европейский фашизм на рубеже столетий – это брат-близнец, то есть пугающий «двойник», наиболее радикальных проявлений свободы и общности, которые возникают в ситуации кризиса основанного на труде общества. Это зловещая карикатура на то, что мужчины и женщины могли бы делать в эпоху всеобщей коммуникации, когда знание и мысль умело выдают себя за общее благо. Это превращение в кошмар того, что Маркс называл «грезой о предмете».

Постсовременный фашизм расцветает не в закрытых кабинетах министерства внутренних дел, а, напротив, в калейдоскопе городских форм жизни. Он развивается не в неизменно внушающем страх контексте институциональных аппаратов, но связан с тем, что должно бы заслуживать большей надежды: с коллективными моделями поведения, уклоняющимися от политической репрезентации. Это не жесткая отправная точка учрежденной власти, но эвентуальная конфигурация народной «контрвласти». Он может стать физиогномической чертой низших классов, способом, каким они загибают и одновременно подтверждают свое подчиненное положение. Коротко говоря, новый фашизм предстает гражданской войной внутри пространства подневольного труда, пораженного технологической бурей и постфордистской этикой. Он очень близко затрагивает массовую интеллектуальность, автономистские и антигосударственные импульсы, любую «обычную сингулярность» и граждан, которых ожесточило общество зрелищ.

В противостоянии с фашизмом левые настаивали на проведении непреодолимой дистанции, чуть ли не антропологического различия; напротив, вопрос сегодня в том, чтобы распознать его природу кривого зеркала. Иными словами, близость фашизма производственному и культурному опыту, из которого исходит в том числе и революционная политика. Только жест сближения может обеспечить адекватное противоядие. Посмотреть брату-близнецу в лицо означает поместить свою собственную практику в чрезвычайное положение, когда самый благоприятный ход событий всегда чреват катастрофой.

2. Европейский фашизм рубежа столетий является патологической реакцией на поступательное перемещение верховной власти во внесударственные структуры и на явно устаревший характер труда под началом хозяина. Уже по этим причинам он – антипод исторического фашизма. Любая переключка или аналогия, подсказываемые этим словом, вводят в заблуждение. И все же использовать его уместно: уместно для того, чтобы указать – сегодня, как и в 1920-х годах – на явление,

существенно отличающееся от консервативной, узколобой, репрессивной тенденции, исходящей от правительства. Указать на брата-близнеца, жизнестойкого и пугающего.

3. Метаморфозу общественного строя на Западе в 1930-е годы определяли иногда выражением столь же характерным, сколь и парадоксальным: социализм капитала. Это словосочетание отсылает к решающей роли, которую взяло на себя государство в экономическом цикле под конец либеральной эры *laissez-faire* (государственного невмешательства), к процессу централизации и планирования, ведомому госпредприятиями, к политике полной занятости, к возникновению социального обеспечения. Капиталистическим ответом на Октябрьскую революцию и кризис 1929 года явилось гигантское обобществление (или, вернее, огосударствление) производственных отношений. Согласимся с Марксом: имело место «преодоление частной собственности на самой же территории частной собственности». Исторический фашизм, как известно, представлял собой разновидность или выражение «социализма капитала». Гиперогосударствление, милитаризация труда (не без связи с его превознесением), государственная поддержка платежеспособного спроса, политический фордизм (перенесенный в форму правления): таковы его некоторые бросающиеся в глаза черты. Разработанная лордом Кейнсом модель нашла свое практическое осуществление не только в «Новом курсе» Рузвельта, но и в экономической политике Третьего Рейха.

Метаморфозу общественного строя на Западе в 1980 – 1990-е годы наиболее подходящим образом можно суммировать выражением «коммунизм капитала». Это означает, что капиталистическая инициатива планомерно организует – к своей же выгоде – именно те материальные и культурные условия, которые с коммунистической точки зрения обеспечили бы спокойный реализм. Подумаем о целях, составляющих «суть желаемого» для современных революционеров: положить конец нестерпимому скандалу, каковым является наемный труд, упразднить государство как производство принуждения и «монополию на политическое решение», повысить ценность всего, что составляет неповторимую жизнь индивидуума. И что же? В течение последнего десятилетия были предложены тенденциозные, чудовищные интерпретации этих самых целей. Во-первых, необратимое сокращение общественно необходимого рабочего времени произошло синхронно с увеличением часов штатных и маргинализацией внештатных сотрудников. Даже когда – особенно когда! – их принуждают к сверхурочным, совокупность подневольных работников преподносится как перенаселение или «промышленная резервная армия». Во-вторых, радикальный кризис или даже распад национальных государств можно объяснить

воспроизведением в миниатюре формы государства по типу матрешки. В-третьих, после падения действительного, имеющего силу «всеобщего эквивалента», мы наблюдаем фетишистский культ различий. Однако этот последний, претендуя на искусственное материально-правовое обоснование, порождает всевозможные дискриминирующие и подавляющие иерархии.

Европейский фашизм на рубеже столетий питается «коммунизмом капитала». Он ведет свою игру на неопределенной границе между работой и не работой, на свой лад организует прибавочное социальное время, поддерживает раковое расползание формы государства, предлагает непостоянные убежища от непринадлежности и неукорененности, проистекающих из структурных условий «перенаселенности», артикулирует неустойчивые, но угрожающие «различия».

4. В своем исследовании авторитарного государства 1942 года Макс Хоркхаймер характеризует материальный базис фашизма как систематическое разрушение сферы циркуляции, охватывающей *Liberté* и *Egalité*[1]. Согласно Хоркхаймеру, концентрация процесса производства на стороне монополий сводит на нет ту видимость «справедливого обмена» между равными субъектами, на которой покоится юридическое равенство и весь «эдем буржуазных прав». С упадком свободной конкуренции *tout court* рухнет и свобода. Деспотизм фабричного режима, вместо того чтобы оставаться тайной постыдной истиной, выходит на передний план, неприкрыто подчиняет себе сферу циркуляции, становится институциональной моделью, утверждает себя как подлинный *potos* земли. Эффективные способы массового производства вторгаются в политику и организацию государства. На смену процедурам, которые основываются на консенсусе (чья модель – это обмен эквивалентами), приходят предписывающие процедуры технического характера, измененные конкретными взаимосвязями рабочего процесса.

В послевоенный период антифашизм начинает осознавать материальные условия, предопределившие крушение либеральных режимов. В результате, чтобы не дать себя обмануть словам, он понимает демократию как прежде всего демократию индустриальную. Имеющие гражданство в сильном смысле суть больше уже не атомизированные индивиды, взаимодействующие на рынке, а производители. Рабочая идентичность и демократическая идентичность стремятся совпасть. Индивидуума представляет его или ее работа, работа государства. Таков глобальный план, иногда реализованный, иногда нет, но во всяком случае обеспеченный конституционным статусом. Закат Первой итальянской республики не есть нечто отличное от краха этого плана, от несостоятельности самих его оснований. И именно на руинах индустриальной

демократии, демократии рабочей, нам дано увидеть силуэт постсовременного фашизма.

Всего лишь остаточный вес рабочего времени в производстве богатства, решающая роль, которую играют в нем абстрактное знание и языковая коммуникация, тот факт, что центр тяжести процессов социализации находится за пределами завода и офиса, общественное презрение к любому переосмыслению «трудовой этики», – все это (и кое-что еще) вновь делает постфордистскую рабочую силу политически непредставляемой. Если эта непредставимость не становится позитивным принципом, конституирующей осью, определяющим элементом демократии, она может, как простое «больше не», создать условия для резкого ограничения свобод. Корни постсовременного фашизма – в разрушении рабочей сферы как привилегированного локуса социализации и обретения политической идентичности.

5. Маркс говорил, что рабочая сила не может утратить присущий ей характер, свое потенциальное «отрицание капитала», не перестав тотчас же быть ферментом процесса накопления. Сегодня нам следует сказать, что постфордистская рабочая сила не может утратить свои нерабочие свойства – то есть не может перестать участвовать в форме общественной кооперации, большей чем кооперация, производящая капитал, – не утратив в то же время свои повышающие ценность качества. На предприятиях с тотальным контролем качества или в культуриндустрии хороший работник – это тот, кто привносит в выполнение отведенных ему обязанностей все свои способности, знания, вкусы, склонности, сформировавшиеся у него не только на рабочем месте, но и за его пределами. Быть достойным звания стахановца сегодня значит профессионально осуществить реализацию понятия, которое превосходит (и противоречит) ограниченной социальности конкретных «профессий».

Государственная политика стремится начинать с самого начала всякий раз, когда общественная кооперация выходит за рамки кооперации трудовой, навязывая первой критерии и единицы измерения второй. Фашизм на рубеже столетий, с другой стороны, сообщает прямое выражение избытку кооперации, но это – иерархическое, расистское, деспотичное выражение. Он делает из протекающей вне работы социализации дикую, неуправляемую сферу, предрасположенную к осуществлению личного доминирования; он устанавливает миф этнической обусловленности, заново открытых корней, риторики «крови и почвы» а la супермаркет; в своих потайных нишах он восстанавливает узы семейственности между сектами и кланами, предназначенными обрести ту дисциплину тел, которую больше уже не обеспечивают трудовые отношения.

Фашизм на рубеже столетий – это форма варварской колонизации общественной кооперации вне работы. Это пародия в стиле «гранд гильоль» на политику, которая, в конечном счете, исходит не от государства.

6. Главные направления европейской культуры последнего десятилетия не предлагают ни противоядия, ни даже бесспорной точки сопротивления новому фашизму. Наоборот, этот последний обезображивает и вновь использует, как жестокое возмездие, понятия и образы мира, которые заимствованы, чтобы справлять «конец истории» и его кровавые обряды. Постмодернистская мысль, описавшая редукцию знания и языка к наемному труду как освободительный взрыв «различий», напоминающий эйфорический переход от одного ко многим, нельзя сказать чтобы в этом отношении была невинна, ведь именно во множествах утверждаются фашистские формы микрополитики власти.

7. В Италии кризис представительной демократии интерпретируется «Лигами» и партией-предприятием[2], сиречь «лучшими друзьями детей» Второй республики. Это разные голоса, которые на самом деле конкурируют друг с другом, однако все они спешествуют совпадению упадка политического представительства (самой представляемости) и сокращения участия в публичной сфере. Стоит иметь в виду, что мы имеем дело, конечно, не с фашистскими «позициями», а с проектами, чье осуществление обуславливает то пустое пространство, иными словами, ту ничейную территорию, на которой фашизм рубежа столетий может эффективно усиливаться.

Радикальный антифашизм состоит сегодня в понимании кризиса представительства не как неизбежного склероза демократии, но, напротив, как экстраординарной возможности сущностного развития. Говоря по-другому, обрести иммунитет к «брату-близнецу» означает сегодня развивать и экспериментировать с органами не представительной демократии. Сталкиваясь с яростным спором между теми, кто выступает за пропорциональную избирательную систему и теми, кто выступает за систему мажоритарную (вчерашнюю), а также между сторонниками системы выборов в один тур и системы выборов в два тура (завтрашней), представляется правомочным и вовсе не неуместным обратить внимание на вопрос иного порядка[3]. А именно: как организовать Совет массовой интеллектуальности и всего постфордистского труда? Как артикулировать радикально внепарламентскую публичную сферу? Какие демократические – а в данном отношении именно не представительные – институты способны сообщить полновесное политическое

выражение современному переплетению труда, коммуникации и абстрактного знания?

Перевод с англ. Александра Скидана

Особая благодарность Александре Петровой за ценные замечания и сверку с итальянским оригиналом.

Примечания

1. Max Horkheimer. *Autoritärer Staat. Gesammelte Schriften, vol. 5 (Frankfurt am Main: S. Fischer, 1987), 293–319.*

2. Намек на партию Берлускони, устроенную по принципу предприятия, т.е. с жесткой иерархией, «монополией на принятие решения» сверху и т.д. (Прим. перев.).

3. При системе выборов в один тур избиратели голосуют только один раз, и побеждает кандидат, набравший большинство голосов, даже если их количество меньше, чем большинство. При системе выборов в два тура сначала проводится первый тур, и если никто из кандидатов не набирает большинства голосов, проводится второй, в котором принимают участие только двое кандидатов, набравших в первом туре наибольшее число голосов.

Кристина Кайндль // Неолиберальные изменения в способе производства и правая политика при дефиците репрезентации

Подъем крайне правых в Европе в последние десятилетия показывает, что проблемы, поднимаемые политиками этого направления, существенно изменились. Эти изменения связаны с развитием транснационального способа производства, а также с политическими трансформациями – т.е. с понятиями общества всеобщего благосостояния, рабочей политики и демократии.

В период экономического кризиса начала 1970-х годов фордистский классовый компромисс был расторгнут, и его сглаживающие функции оказались поставлены под сомнение – как в политическом, так и в идеологическом смысле. Развитие транснационального способа производства революционизировало социальную основу фордизма и создало потребность в новом подходе к политическому и идеологическому регулированию.

Процесс укрепления неолиберализма должен пониматься не просто как идеологический «государственный переворот»: неолиберализм оказался под рукой в ситуации, когда из-за изменяющихся глобальных стратегий валоризации, производственных технологий и нового баланса сил у правящего класса возникла необходимость в новом самосознании, а также в социальной программе для низших слоев, способной вовлечь их в этот проект. Болтански и Кьяпелло (Л. Болтански, Э. Кьяпелло, 2011) говорят о новом духе капитализма, но я бы назвала это скорее новым типом политического и идеологического регулирования высокотехнологичного способа производства – регулирования, позволявшего обеспечивать формы мысли и новые жизненные модели в понимании Грамши, предполагавшем практическое, политическое и связанное с культурой повседневности понятие идеологии. Грамши показал, что новая гегемония нуждается во взаимодействии способа производства с жизненными моделями, задающем горизонт, в рамках которого люди могут, мечтать, надеяться и выстраивать свои жизни.

Несложно продемонстрировать связь между классическим неолиберализмом и правой политикой: неолиберализм базируется на идее неравенства людей от природы, в нем заложено глубокое недоверие к демократии, а также такое представление об этническом плюрализме, согласно которому смешение с инородцами ослабляет природную силу этноса. Общество развивается согласно законам рынка, обеспечивающим наилучшие результаты посредством свободной конкуренции,

– вмешательство государства и «групп лоббирования» (например, профсоюзов) является помехой для этого наилучшего из возможных обществ и его благосостояния. Благодаря такому подходу появляется возможность заявлять групповые интересы в качестве общих и бороться с «групповыми интересами» вроде социального государства во имя интересов «общенародных».

Я отмечу здесь лишь точки соприкосновения между неолиберализмом и правой политикой: их сближение можно было наблюдать, например, во время первой неолиберальной революции в Чили в 1973 году. Этот пример показывает, что неолиберализм направлен не против государства как такового, а против государства всеобщего благосостояния, обеспечивающего социальное равновесие, – он вполне может вступать в альянсы с правыми антигосударственниками.

Сторонники неолиберализма обещали исправно функционирующий капитализм как раз в ситуации стагнации и кризиса – до тех пор, пока капитализм и правящие политики не согласились отказаться от устаревших позиций. Это позволяет некоторым правым проектам представлять себя в качестве реформаторских и модернизационных, а также присоединяться к неолиберальному блоку и быть частью процесса, который Грамши называл «transformismo»: проникновение в социальную базу враждебных классов\партий и присоединение к правящему блоку (Gramsci 1991ff, Н.1 § 48).

Стюарт Холл предлагал рассматривать восходящий тэтчеризм как «авторитарный популизм» (1982). Социал-демократы в тот момент все еще ориентировались на классовый компромисс, основанный на государственном вмешательстве. Они стремились завоевать поддержку рабочего класса, выторговывая для него уступки. Этот процесс оказывал дезорганизующее воздействие на политическую и экономическую борьбу. Правые успешно мобилизовались против государства, против коллективизма, «социализма» и правящего блока. Они просочились в социальную базу лейбористов при помощи риторики, артикулировавшей ощущение кризиса фордистского компромисса, недовольство и понимание того, что «дальше так продолжаться не может».

Политический ответ Тэтчер на тревоги «обычных людей» заключался в усилении верхов. Расизм, якобы защищающий трудящиеся массы от государственного либерализма, удачно соединился с неолиберальным проектом Тэтчер. Грамши назвал бы это процессом, в котором «массы оказываются оторванными от своих традиционных идеологий, и никто больше не верит в то, во что верил прежде». (Gramsci 1991ff, Н.3 §34).

Таким образом, задачей правого популизма был прорыв плотины для неолиберализма в противостоянии с социал-демократами и социальным

государством – подобные тенденции можно проанализировать на примере Франции, Австрии и Италии.

Ситуация кардинально изменилась, когда социал-демократы перезапустили свой политический проект в середине 1990-х. Перестав защищать фордистскую модель регулирования, они сами сделали неолиберальный поворот и успешно выступили на выборах, пообещав социально приемлемую, но все же ориентированную на рынок перестройку общества – и интегрировали множество неконсервативных, постмодерных групп населения. Этот *transformismo* нового типа расширил социальную базу неолиберального проекта. Теперь социал-демократы смогли отказать от устаревшей политики; однако они не преуспели в создании новых форм представительства интересов наемных работников.

Тем не менее первое время стратегия работала успешно: практически по всей Европе были у власти социал-демократы. Но оставаясь в рамках неолиберальных реформ, социал-демократы оказались вынуждены поддерживать новые условия, в которые ставились рабочие – среди прочего от них требовали уступчивости, зарплаты снижались, демонтировалось социальное обеспечение и обесценивался трудовой опыт. Также стало явным ощущение, что даже более тяжелый труд и стремление повышать квалификацию не помогут достичь достойных и справедливых стандартов качества жизни.

Связанные между собой дерегуляция и неокорпоративизм усилили социальное дробление некоторых сегментов рабочего класса. Создание низкооплачиваемого сектора, расширение временной занятости вызвало рост конкуренции и нагрузки даже в ключевых секторах занятости, из-за приватизации социальной сферы и страхования давление на людей усилилось, причем они не могли не понимать, что в ухудшении их социального положения виновны именно те партии, которые традиционно представляли их интересы.

Таким образом, находившиеся у власти партии перестали защищать интересы значительных групп населения (в первую очередь рабочего класса) – это можно назвать кризисом представительства. «Когда случаются такие кризисы, – утверждал Грамши, – ситуация становится зыбкой и опасной поскольку пространство открыто для любых силовых решений, для деятельности сомнительных сил, которые представляет склонный к жестокости или харизматичный человек» (Gramsci 1991ff, Н.13 §23). Представительство – это вопрос не только партий и парламента. Подобные тенденции касаются и профсоюзов, которые согласны с «необходимостью реформ», но не способны выработать собственной политической программы.

На фоне кризиса представительства правопопулистские партии в конце 90-х имели электоральный успех по всей Европе. Впрочем, успех этот

был связан не столько с неолиберальной программой 80-х, сколько с критикой влияния неолиберальной глобализации на жизнь людей и условия их труда. Правые партии успешно проникли в «зазор в представительстве» и начали позиционировать себя как новых защитников рабочих, жертв глобализации и «старого доброго лейборизма». Попадая в правительство, они начинают следовать неолиберальным экономическим концепциям. Но сильной стороной некоторых правых объединений является совмещение различных, а порой несовместимых социальных сред и интересов – при том, что сила эта основана на противоречивых программах, альянсах и теориях, а также на способности представлять интересы в том числе высших слоев через неолиберальные проекты. Согласно Грамши, формирование блока зачастую нужно не для полноценного объединения, а для артикуляции различных интересов.

Например, возглавляемый Ле Пенем Национальный фронт заменил свою неолиберальную программу денационализации, основанную на дерегуляции рынка, снижении налогов и сокращении общественно-го сектора, на программу, в которой «международная экономическая идеология» рассматривалась как враг номер один. Электронная база сменилась с традиционной радикальной и правоконсервативной на мелкобуржуазную и рабочую, усилились апелляции к безработным и молодежи.

Даже если правые проекты находятся в союзе с неолиберализмом, они при этом критикуют следствия глобализации. Так, итальянская Северная Лига предложила заменить государственное регулирование механизмами свободного рынка; ее экономизм дополняется позитивным отношением к жизненным условиям, в которых специфическая – «родная» - культура и этническая группа теряют очертания, а отчуждение нейтрализуется.

Для того, чтобы объединить неолиберальную экономическую политику с антиглобалистской риторикой, правые в правительстве связывают антиглобализм с антииммиграционной политикой. Мигранты становятся олицетворением «локальной глобализации».

Идеологическое смешение двух традиций правого экстремизма зависит от отношений между правительством и оппозицией. Например, Национал-демократическая партия Германии, никогда не проходившая в бундестаг, переформатировала свою идеологическую ориентацию в 1996 году, отказавшись от германского национализма, ориентированного на средний класс, в пользу этнического/«народного» социализма. Изменению стратегии сопутствовала ставка на уличные выступления вместо электоральных успехов и мест в парламенте. Центральное место заняла «борьба за умы». Также внимание было обращено на «низовую

политику» как элемент борьбы за культурную гегемонию, например, на организацию молодежных культурных мероприятий, помощь пожилым людям и т.д.

Что касается кампаний и мобилизаций, этнический национализм является центральной темой НДПГ и ее молодежной организации МНД (Молодые национал-демократы). Расистская аргументация в этом случае подчиняется аргументации, основанной на национализме. Суть последней – понимание нации, основанное на единообразии людей одного происхождения. Указывается, что самоопределение «народа» подорвано иностранными влияниями, а именно «империализмом», который действует в равной степени на политическом, экономическом и культурном полях, где ему и должно быть оказано сопротивление. «Иностранные влияния» осуществляются как внутренними, так и внешними врагами: внешние враги – это транснациональные корпорации и наднациональные структуры (Европейский союз, НАТО), попирающие принципы этноплюрализма, а внутренние враги это мигранты и «иностранный» население. Центральной является битва против «империализма транснациональных корпораций и США».

Культурное разнообразие рассматривается как «разрушение культуры» и приравнивается к «уничтожению народа». Присутствие «иностранцев» в обществе выводится из социального процесса глобализации, а распространение транснациональных корпораций и наднациональных структур – элемент того же самого катастрофического процесса: борьбы империализма против народа, противостоять которой может по-настоящему лишь национализм как «освободительное движение». Этнический национализм также обещает общественную безопасность: он отвергает классовую борьбу как сверху, так и снизу в пользу идеи этнического единства. «Национализм стремится к социальной справедливости и национальной солидарности». [1]

Поскольку транснациональные корпорации и наличие беженцев, граждан других государств и т.д. воспринимаются как два аспекта одного и того же явления, считается, что победив одно тем самым можно победить и другое. Расистское насилие становится антиглобалистской политикой. Ощущение политической беспомощности перед глобальными процессами может быть обращено в действие.

В 2006 МНД начали «антикапиталистическую и антиглобалистскую» кампанию «Будущее без глобализации». [2] Опорные точки праворадикальной мобилизации совмещаются и систематически укрепляются. Безработица, низкие зарплаты и плохие условия труда рассматриваются как проявления кризиса капитализма. В «Манифесте о приватизации» [3] «народное имущество» защищается от расхищения посредством приватизации. Логика господствующей политики как «всего лишь

следование необходимости» отвергается, провозглашается «возможная альтернатива существующей системе». В противовес империи США «Евразийское объединение народов» объявляется элементом антиимпериалистического сопротивления и нового мирового порядка, отвечающего интересам людей. В перефразировке сапатистского лозунга «один мир, в котором много миров», «один мир капитала» превращается – в духе этнической фразеологии – в «мир тысячи народов».

В 30-е годы Эрнст Блох показал, как фашистское движение усиливает свою пропаганду посредством «воровства у коммуны» (Bloch 1934, 70), то есть через использование красных флагов рабочего движения, его маршей, песен и т.д. Таким образом, основные стратегии ультраправых сходны: они открыто обращаются «к левым справа» и к правому антикапиталистическому движению. Соответственно меняют они и внешний вид: копируют даже антифашистское молодежное движение 90-х с его «поп-политикой», носят палестинские платки и стремятся связать собственные организации с революционными движениями Кубы и Вьетнама. Свои призывы «*patria o muerte - Vaterland oder Tod* - родина или смерть» они сопровождают портретами Че Гевары, связывают себя с такими революционными движениями, как фашисты, фалангисты, перонисты, с Чавесом и социалистической ГДР, перечисляя их в одном ряду через запятую. Из этой «искры воспоминания может вскоре вспыхнуть пламя национального и социального сопротивления». [4]

«Нацизм является... пространством, защищающим от неприятной тревоги, не позволяющим ей проснуться», – писал Блох о противоречиях нарождающегося немецкого фашизма, который совмещал борьбу против устаревших жизненных моделей и стремление к прошлому (Bloch 1934, 60). Формирование исторического блока привело в то время к тому, что антикапиталисты оказались подчинены крупному капиталу. «Неприятная тревога» указывает на то, что люди стремились выйти за рамки привычной жизни, и нацистам удалось сделать вид, будто они связаны с новым, современным образом жизни, и в то же время стремятся вернуть старые добрые времена.

Какие противоречия можно обнаружить
в неофашистском движении?

Европейский исследовательский проект SIREN смог продемонстрировать по итогам своих опросов общий опыт, особенно в сферах, которые подвергались реформированию, например, в приватизированных общественных службах. Людям приходится переосмысливать свои позиции в социальном мире в свете изменившихся социальных требований (это

касается как высококвалифицированных работников в сфере IT, так и уборщиц с неустойчивым рабочим положением). Несмотря на тяжелый труд и угнетающую зависимость от работодателя, они не могут достичь положения, на которое рассчитывают, отсюда чувство несправедливости и разочарования.

Существуют различные сценарии подобных изменений, проявляющиеся в различных сегментах общества, но у меня нет возможности детально рассмотреть их здесь.

Ощущение «расторгнутого социального контракта» подразумевает, что «тяжелая работа» должна приносить социальную защищенность, признание и высокие жизненные стандарты. Многие опрошенные отмечали свою готовность работать даже еще больше, но признавались, что, законно рассчитывая на новые формы работы, социальный статус или жизненные стандарты, постоянно оказываются разочарованными. «Контракт был расторгнут в одностороннем порядке». (Flecker/Hentges 2004, 142). Нарушение баланса в отношении людей к работе кажется во многих случаях ключом к пониманию связи между экономическими изменениями и политическими реакциями. Это нарушение приводит к чувству несправедливости и недовольству другими социальными группами, которые кажутся в меньшей степени обремененными тяжелым трудом, либо живущими более благополучно, либо (незаконным образом) лучше устроенными: с одной стороны менеджеры и политики с высокими доходами, назначающие самим себе высокие пенсии, с другой – те, кто живет за счет пособий вместо того, чтобы работать, а также беженцы, поддерживаемые государством. Политические требования правых акцентируются на двойном отмежевании «народа» – от элиты сверху, и от «исключенных» снизу. Отмежевание от неработающих «на хлебников», например, беженцев, получателей пособий, больных и инвалидов, наблюдается среди работников высшего звена (явление, часто характеризующееся как «шовинизм благополучия»). Широко распространено подобное отмежевание и в профсоюзных кругах.

Ключевым здесь является страх анонии, разрыва социальных связей. Неуверенность и чувство бессилия связаны с промышленным спадом, прекаритетом (ненадежной занятостью), обесцениванием квалифицированности и имеющихся трудовых навыков. Человек, чувствующий себя бессильной жертвой экономических процессов или на первый взгляд анонимных сил, становится объектом мобилизации правых, которые обращаются к населению как к пассивной жертве всемогущих врагов. Ностальгический пиетет перед старыми добрыми (а также славными для рабочего класса) временами и превознесение традиционных сообществ действуют тем же образом. Когда общество осознает проблемы прекаритета и собственной деградации, начинается подъем правых. Акцентируя темы национальных или сверхнациональных образований

как выразителей коллективных интересов, они также апеллируют к чувству беспомощности – как отдельного индивидуума, так и коллективных образований (региональных, классовых, национальных).

Ультраправые связали повседневный опыт человека с требованиями глобализированного способа производства и развернули этот повседневный опыт в сторону народного единства и сообщества. «Национальная» (т.е. этническая/ *völkisch*) идентичность включает в себя обещание социальной защищенности и равенства, солидарности и единения. Такого рода усовершенствование жизни человека учитывает его надежду на причастность, на то что степень его «активности» будет достаточна в новом социальном государстве. В то же время принцип конкуренции в усиливающейся борьбе за социальные ресурсы используется против «негерманских» элементов.

Итак, из каких элементов формируется правая идеология?

Правое сознание в состоянии соответствовать неолиберальной идеологии, выступая в то же время против них. С одной стороны, эти требования отвергаются и растворяются в экстремистской праворадикальной модели социального государства. С другой стороны, требования исключения, брутализации и мобилизации людей направляются против тех, кто социально маргинализован. Такое мышление осознает себя оппозиционным, но одновременно утверждает основы социальной конкуренции и эксплуатации.

Альтернатива слева

Говорить о «демагогии» и «инструментализации» социальных вопросов ультраправыми вряд ли имеет смысл, поскольку это препятствует пониманию сути их аргументации и сомнительной логики правых апелляций к социальной политике – мы можем просто не понять, почему подобная аргументация кажется многим привлекательной. Сегодняшний правый экстремизм не просто «обманывает» людей – соединяя субъективный опыт с протестными настроениями, правые выдвигают модель, не предполагающую разрыва с их собственными основаниями – этническим национализмом, расизмом и идеологией неравенства, а так же неприятием демократии и предрасположенностью к «сильной руке».

В то время как события, связанные с социальными выступлениями, предоставляют все возможности ультраправым, левые должны выдвигать альтернативные объяснения и возможности социализации подобного опыта. Левые должны научиться соединять фундаментальную критику капитализма с конкретной политикой защиты социальных и демократических прав – то, что Стюарт Холл называл народно-демократическими

позициями. Разделение этих двух аспектов, разведение абстрактного/ фундаментального антикапитализма и конкретной политической практики не имеет перспектив в изменившемся обществе для людей, оказавшихся в новых условиях, и не дает им никаких оснований принять такой политический проект как свой собственный.

Список цитированной литературы

Bloch, Ernst, 1934: Erbschaft dieser Zeit. Gesamtausgabe Bd.4, Suhrkamp Frankfurt/M (1962)

Flecker, Jörg, and Gudrun Hentges, 2004: Rechtspopulistische Konjunkturen in Europa. In: Joachim Bischoff, Klaus Dörre und Elisabeth Gauthier u.a. (Hg.), Moderner Rechtspopulismus, VSA Hamburg, 119-49

Gramsci, Antonio, 1991ff: Gefängnishefte, Argument Hamburg

Hall, Stuart, 1982: Popular-demokratischer oder autoritärer Populismus. In: Wolfgang Fritz Haug und Wieland Elfferding (Hg.), Internationale Sozialismuskonversation, Bd 2, Neue soziale Bewegungen und Marxismus, Argument Hamburg, 104-24

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. -- М.: Новое литературное обозрение, 2011. -- 976 с.

Спенсер Саншайн // Новое имя фашизма:

национал-анархисты

8 сентября 2007 г. в австралийском Сиднее антиглобалистское движение проводило очередную демонстрацию против неолиберальной экономической политики, на сей раз противодействуя саммиту Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Как и в ходе выступлений против Всемирной торговой организации в Сиэтле в 1999 г. в штате Вашингтон, улицы заполнили самые разные группы – защитники окружающей среды, социалисты, правозащитники... Как и в Сиэтле, был «черный блок» – группа воинственно настроенных активистов, обычно левых анархистов, в масках, одетых во все черное.

В Сиднее «черный блок» собрался под флагами с надписью: «Глобализация – это геноцид». Но когда демонстранты присмотрелись, то обнаружили, что маршировавшие в «черном блоке» были «национал-анархистами» – местными фашистами, переодетыми в анархистов и проникшими на демонстрацию. Полиции пришлось защищать этих незваных гостей от разгневанных демонстрантов.

С тех пор «национал-анархисты» присоединялись и к другим шествиям в Австралии и США; в апреле 2008 г. они выступили в защиту Тибета против китайского правительства во время эстафеты Олимпийского огня в Канберре и Сан-Франциско. В сентябре американские «национал-анархисты» протестовали во время «Фестиваля Фолсом-стрит», ежегодного «кожаного» мероприятия геев в Сан-Франциско.

Хотя может показаться, что перед нами отдельные случаи ловкого жульничества, такие квази-анархисты – интернациональный экспортный продукт новой версии фашизма, которая являет собой существенный сдвиг в тенденциях и идеологии движения. «Национал-анархисты» имеют сторонников в Австралии, Великобритании, США, в континентальной Европе и являются, в свою очередь, частью более широкой фашистской тенденции, которая перенимает элементы левого радикализма. Подобно «автономным националистам» в Германии и респектабельному интеллектуальному фашизму европейских «Новых правых», «национал-анархисты» заимствуют левые идеи и символику, маскируя ими свои фашистские ценности. Так, «национал-анархисты» обличают централизованное государство, капитализм и глобализацию – но вместо этого хотят установить систему этнически чистых общин.

В 1990 г. Чип Берлет в работе “Правые обхаживают левых” показал, что крайне правые в США во многом пошли навстречу левым. «Фашистские

правые обхаживали прогрессивных левых, в первую очередь, в вопросе оппозиции против использования американских войск в интервенциях за рубежом, поддержки Израиля, по проблемам должностных преступлений и «операций прикрытия» ЦРУ, репрессий во внутренней политике, прав личности и гражданских свобод» (1). Позднее фашистские правые также пытались входить в альянсы с левыми по таким вопросам, как защита окружающей среды, непримиримый антисионизм и противостояние глобализации.

В период после Второй мировой войны, а особенно с развитием Интернета, фашизм становится все более интернациональным явлением. Один из самых очевидных результатов этой интернационализации – постоянный приток европейских идей в США. К примеру, движение наци-скинхедов, зародившееся в Британии, быстро распространилось в США. В обмен американцы экспортировали в Европу Ку-Клукс-Клан и контрабандой завезли в Германию отрицание Холокоста и неонацистскую литературу (2).

Идея «национал-анархизма» распространилась по миру через Интернет. В США базируются лишь несколько вэб-сайтов, но с устойчивой тенденцией к росту. Они и представляют то, что, по мнению многих, может стать новым лицом фашизма. Взяв на вооружение некоторые символы, лозунги и положения левого анархистского движения, эта новая форма послевоенного фашизма (подобно европейским «Новым правым») надеется смыть с себя клеймо старой традиции и при этом инфицировать фашистскими в своей основе ценностями новое движение антиглобалистских активистов и связанных с ним децентрализованных политических групп. Одновременно «национал-анархисты» пытаются заразить представителей традиционных групп – сторонников белого национализма (например, реакционных контркультурщиков и активистов Британской национальной партии) идеологией, которая по их уверениям, не является «ни левой, ни правой». (3)

Несмотря на эти заявления, самой сутью идеологии «национал-анархизма» является то, что ученый Роджер Гриффин определяет как ядро фашизма: «палингенетический популистский ультра национализм». «Палингенетический, – пишет он, – это общее обозначение идеи радикального нового начала, следующего за периодом краха или предполагаемого разложения». Таким образом, для палингенетического ультра национализма «мобилизующее видение состоит в том, что национальное сообщество, как феникс, возродится после периода упадка, вызванного извне и практически разрушившего его» (4)

Этот «ультранационализм» является главной идеологической инновацией национал-анархистов: речь идет о создании безгосударственной (и, следовательно, «анархистской») системы этнически чистых поселений.

Их ведущий идеолог Трой Саусгейт заявляет: «мы просто хотим подчеркнуть, что национал-анархизм является по сути расовым феноменом¹. В этом его особенность». (5)

Зачем нам обращать внимание на эти новые формы фашизма? Ведь непосредственной угрозы захвата власти фашистами в стабильных либеральных демократиях Запада нет, приход к власти Муссолини и Гитлера в 20-х – 30-х гг. происходил в другую эпоху и в иных социальных условиях. И всё же эта проблема крайне актуальна.

Новые модификации фашизма способны внести раздор в социальные движения, оттянуть левых активистов к правым. К примеру, когда Советский Союз распался, в России внезапно появился ряд некоммунистических левых групп, выступивших за эгалитарное общество без диктатуры. Однако доминировать стала тенденция национал-большевиков, которая является на сегодня, вероятно, наиболее успешной из групп так называемой «третьей позиции»². Привлекая к себе внимание разочарованных молодых людей с помощью заимствования многих левых установок и вовлекая их в акции прямого действия, национал-большевики с успехом обошли своих соперников, в массовом порядке абсорбировав их демографическую базу. Левые группы исчезли, а национал-большевики остались сильным политическим движением с мощной низовой и молодежной основой. Повзрослев, они на десятилетия сохраняют влияние в российской политике.

Хотя упомянутые фашистские секты немногочисленны, Джеффри Бейл отмечает, что они достойны внимания, поскольку могут служить приводным ремнем для нестандартных политических идей, оказывать влияние на многие группы мэйнстрима и образовывать транснациональные сети (6).

1 Следует иметь в виду, что под «расой» «национал-анархисты» понимают не «биологическую», а «культурную общность», иными словами, то, что «Новые правые» именуют «этносомами» или «культурами» (прим. перев.).

2 «Третья позиция»: одно из течений меньшинства в фашистской идеологии. Отвергает как либеральный капитализм, так и марксизм, выступая за своего рода социализм на расовой основе. Главными предшественниками были национал-большевики, ставшие соединением национализма и «коммунизма», и братья Штрассеры, ключевые фигуры «левого крыла» нацистской партии. Странники «Третьей позиции» имеют тенденцию поддерживать национально-освободительные движения в Третьем мире, а недавно стали поддерживать экологизм.

На протяжении ряда лет антиглобалистское движение также открывает пространство для подобных право-левых альянсов. Голландская антирасистская группа «DeFabel van de illegal» вышла в 1998 г. из антиглобалистского движения из-за его связей с крайне правыми силами. Палеоконсервативный политик Пат Бьюкенен, придерживающийся расистских и антисемитских взглядов, выступал с трибуны профсоюза водителей грузовиков во время демонстраций против МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне в 2000 г. (7). Такие расисты, как Луис Бим (сотрудничавший с «Рыцарями Ку-Клукс-Клана» и «Арийскими нациями») и Мэтт Хейл (Всемирная церковь создателя), расхваливали Сиэтлскую демонстрацию против Всемирной торговой организации в 1999 г. (8).

В то же самое время, часть левых антиимпериалистов (включая многих анархистов) вступают в альянсы с такими реакционными исламистскими движениями, как Хамас и Хезболла, и призывают к открытому примирению с антисемитизмом и смыкаются с националистами (9). Эта история вызвала у многих космополитических анархистов опасения, что реверансы новых фашистов в сторону радикальных левых могут иметь известный успех.

История и стратегия секты

«Национал-анархисты» берут свое начало в Национальном фронте, крайне правой британской партии, которая в 1977 г., будучи «темной лошадкой», добилась впечатляющего успеха на выборах, выдвинув ксенophobicкую и антииммигрантскую платформу. После выборов группа раскололась на множество внутренних фракций, а затем распалась на две отдельные секты. Трой Саусгейт, ведущий англоязычный идеолог «национал-анархизма», – ветеран этой междоусобицы. Он вступил в НФ в 1984 г., а затем примкнул к отколовшейся группе. Та, в свою очередь, раскололась еще раз и превратилась в Национально-революционный фронт (НРФ), небольшую кадровую организацию, открыто призывающую к вооруженной партизанской борьбе (10).

В конце 1990-х гг. НРФ начал видоизменяться, превращаясь в Национал-анархистское движение. На протяжении ряда лет они сосуществовали, перетекая друг в друга, пока, наконец, НРФ не самораспустился в 2003 г. (11). Идеология Саусгейта со временем не претерпела существенных изменений, и он продолжает распространять свои сочинения, написанные в период НРФ.

Единственной известной публичной «национал-анархистской» акцией НРФ стало появление на Анархистском еретическом фестивале в октябре 2000 г. В нем принял участие ряд крайне маргинальных групп. Однако попытка организовать второй фестиваль была блокирована и

сорвана анархистами и антифашистами. То же самое произошло в 2001 г., после чего Саусгейт и НРФ отказались от такой стратегии и занялись чистой интернет-пропагандой (12).

Фестиваль показал, что Саусгейт перенял троцкистскую практику энтризма – стратегию проникновения в другие политические группы для того, чтобы захватить их или отколоться затем вместе с частью актива (13). Саусгейт заявляет: «НРФ использует кадры активистов для того, чтобы проникать в политические группы, институты и органы... Это часть нашей стратегии. И, если мы хотим добиться успеха в будущем, такую работу следует усиливать» (14). Он утверждает, что НРФ проник на демонстрацию «Остановите город» в 1999 г., на первомайскую демонстрацию протеста 2000 г., на мероприятия Ассоциации саботажа охоты и Фронта освобождения животных (15).

Энтризм имеет для «национал-анархистов» не только тактическое значение – это ещё и философия, поскольку они рекрутируют членов среди левых и особенно среди анархистских групп. Вместо того, чтобы именовать себя «расовыми коммунитаристами», они намеренно используют ярлык «анархистов» и специфическим образом перенимают анархистские представления. В качестве примеров можно привести использование пурпурной звезды (для анархистов характерно использование черной или наполовину черной звезды, причем вторая половина обозначает ту или иную тенденцию, к примеру, у синдикалистов половина звезды красная, у экологов зеленая и т.д.) или красно-черной звезды с кельтским крестом поверх (последний стал типичным символом белых националистов). Союзные национал-анархистам фракции «Новых правых» в Австралии и Британии также используют «символ хаоса» – восьмиконечную звезду – которую они позаимствовали у левых контркультурных анархистов.

Использование фашистами политического формирования «черный блок» на демонстрациях – это также заимствование форм, практикуемых анархистами и крайне левыми. В последние годы германские фашисты, называющие себя «автономными националистами», поднимают черные флаги (символ традиционного анархизма) и даже переняли символику немецких антифашистских групп (16).

Еще в 1984 г. Пьер-Андре Тагиефф, эксперт по европейским «Новым правым», обличал «тактику идеологического кодирования, систематически применяемую GRECE», – правым интеллектуальным центром, который использовал в том числе левую критику развитого капитализма, одновременно пропагандируя фашистские по своей сути идеи (17). В данном случае мы видим, как идеологическое кодирование осуществляется на низовом уровне.

Использование фашистами «черного блока» на демонстрациях – это также присвоение анархистских и ультралевых форм.

Следует отметить, что, несмотря на своё название, «национал-анархисты» происходят не из анархистского движения и в интеллектуальном смысле не базируются на его идеях. Анархистам свойственно рассматривать себя как часть космополитического и подчеркнуто антинационалистического левого движения, стремящегося разрушить как капитализм, так и централизованное государство. Они стремятся заменить его децентрализованными, неиерархическими и самоуправляющимися сообществами. Подобно марксистам, они категоричны в своей оппозиции как к расизму, сексизму и гомофобии, так и к капитализму. В США анархисты играли ключевую роль в создании рабочих союзов; они были единственной фракцией, поддерживавшей права геев перед Первой мировой войной, выступали в первых рядах движения за свободу слова, активно отстаивали легализацию контроля над рождаемостью. Есть ирония в том, что белые националисты перенимают имя и символы анархистов, ведь анархисты имеют долгую историю физического подавления мероприятий белых националистов (взять, к примеру, Антирасистское действие). Боевые формирования анархистов сражались с Франко в Испании и с Муссолини в Италии¹.

Вопрос о «фашизме»

Национал-анархисты заявляют, что они – не «фашисты». Однако Трой Саусгейт равняется на не самых известных фашистов, таких как лидер румынской «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну и не самых безобидных нацистов, таких как Отто Штрассер и Вальтер Дарре. К манипуляциям Саусгейта относится и утверждение, будто он «против фашизма», поскольку является социалистом (так же говорили нацисты вроде Штрассера) и сторонником политической децентрализации (так же говорят современные европейские фашисты, например, Ален де Бонуа). Иногда он заявляет, что фашизм равнозначен капитализму и требует централизованного государства, а он, Сайсгейт, якобы выступает против того и другого.

1 В то же время, имелись случаи, когда на позиции «анархо-национализма» и «Новых правых» переходили выходцы из анархистской среды. Таков случай французского «Анархистского рабочего альянса», который начал как анархо-коммунистическая организация, но затем сосредоточился на борьбе с масонством, сионизмом и «ложью о Холокосте» (прим.перев.).

Саусгейт, несомненно, искренен в своем неприятии классического фашизма Гитлера и Муссолини, и в том числе этим он объясняет свой разрыв с одной из групп, отколовшихся от Национального фронта. Он считает, что старый фашизм дискредитировал себя и отрекся от истинных ценностей революционного национализма. Но конечная цель Саусгейта, которую он разделяет с европейскими «Новыми правыми», – это создание новой формы фашизма, с теми же самыми основополагающими ценностями возрожденного сообщества, которое должно побороть декаданс космополитического либерального капитализма. И эта задача невыполнима до тех пор, пока его взгляды будут ассоциироваться со старой фашистской традицией.

«Третья позиция»

Одно из двух течений, оказавших самое большое влияние на «национал-анархистов», – небольшое фашистское течение, именуемое «Третьей позицией». Его корни лежат в национал-большевизме, который первоначально апеллировал к коммунистам, стремившимся к национальной (а не интернациональной) революции. Вскоре, однако, он стал апеллировать к нацистам, которые искали союза с СССР. Наиболее заметным из них был «левый нацист» Отто Штрассер, бывший социалист, выступавший за перераспределение земли и национализацию промышленности. Он критиковал Гитлера за отстаивание интересов банкиров, за что был исключен из партии. Брат Отто Грегор Штрассер разделял те же взгляды, но оставался нацистом до 1934 г., когда был убит другими нацистами в ходе «ночи длинных ножей».

Эту идейную линию продолжали некоторые послевоенные фашисты, включая Фрэнсиса Паркера Йоки и Жана-Франсуа Тириара (18). Они считали главным врагом США и либеральный капитализм, стремились к альянсу с Советским Союзом и провозглашали солидарность с революционными движениями Третьего мира, включая «коммунистические» революции в Азии и Латинской Америке и арабских антиссионистов (особенно тех, с которыми разделяли антисемитские взгляды). Последователи Тириара в Италии сформировали на основе этих принципов секту «наци-маоистов», а после ужасного взрыва бомбы в августе 1980 г. в Болонье, в результате которого погибли 85 человек, 40 итальянских фашистов, включая Роберта Фиоре, бежали в Англию.

Убежище Фиоре предоставил член Национального фронта Майкл Уокер, издатель газеты «Скорпион» (19). Эта газета впоследствии распространяла идеи «Третьей позиции» и «Новых правых» в британском Национальном фронте, а Трой Саусгейт открыто признает их принципиальное влияние (20). Идеи «Третьей позиции» распространялись в НФ также через журнал «Райзинг» (21). После раскола 1986 г. это новое

влияние привело к изменению политики партии. Видные ее члены посетили Ливию Каддафи, хвалили иранского аятоллу Хомейни и развивали связи с «Нацией ислама» в США.

Саусгейт кривит душой, заявляя, что отказался от фашизма «Третьей позиции» (22). Он против централизованного государства и, соответственно, против возможности государства национализировать промышленность или создавать «этногосударство». Тем не менее «национал-анархисты» сохранили два основных философских стержня «Третьей позиции». Первый – это понимание националистического социализма как третьего пути между капитализмом и левым социализмом (то есть марксизмом и традиционным анархизмом) (23). Второй – это упор на стратегический и концептуальный альянс националистов (особенно в Третьем мире) против США. Подобно тому, как НФ восхвалял «Нацию ислама» и Каддафи, «национал-анархисты» восхваляют черные и азиатские группы расовых сепаратистов и поддерживают движения за национальное самоопределение, например, движение за независимость Тибета. В отличие от многих белых националистов (таких, как Британская национальная партия), «национал-анархисты» имеют про-исламистскую ориентацию – но только в той степени, в которой исламисты «готовы ограничить свою борьбу традиционными исламскими регионами мира» (24).

Как отмечают Чип Берлет и Мэтью Лайонс, аналогичные взгляды исповедуют группы в США, находящиеся под влиянием «Третьей позиции», такие как «Белое арийское сопротивление», Американский фронт и Национальный альянс, а также пастор «Христианской идентичности» Боб Майлс (25). Комментаторы часто не замечали многолетний союз Американского фронта с НРФ Саусгейта (26). Подобно НФ, американские фашисты Том Метцгер и Линдон ЛаРуш также установили связи с «Нацией ислама» (27). Недавно политику «Третьей позиции» стал проводить и Национальный альянс. Он попытался завербовать в свои ряды левых активистов, открыв подложную антиглобалистскую веб-страницу, а в августе 2002 г. провел демонстрацию солидарности с Палестиной в Вашингтоне (28).

Изначально попытка напрямую перенести в США «национал-анархистскую» идеологию была предпринята политическим провокатором Биллом Уайтом. Он начал свою политическую Одиссею как левый анархист, но быстро занял «национал-анархистскую» позицию – на волне антиглобалистского движения. Он написал печально известную статью для онлайн-издания «Pravda.ru» в ноябре 2001 г., в которой безосновательно утверждалось, будто «национал-анархисты» были частью анархистских «черных блоков» (29). Позднее Уайт связался с Национальным альянсом, а затем пришел к чистому нацизму «Национал-социалистического движения».

В настоящий момент в США имеются два сайта, непосредственно связанных с «национал-анархистами» (30). Один из них создан плодовитым христианином, бывшим наци-скинхедом. Вокруг другого, в районе Залива (Сан-Франциско) сформировалась региональная «сеть». Именно эта небольшая группа заявляла о своем участии в демонстрациях за независимость Тибета и протестах против Фестиваля Фолсом-стрит.

Кроме того, «национал-анархисты» как носители особой идентичности в среде белых националистов, продолжают привлекать определенное количество последователей в США. К примеру, один из бывших сотрудников базирующегося в Орегоне журнала «Грин анарки» связан с этой тенденцией (31). Американские «национал-анархисты» часто принимают участие в дискуссиях на «Стормфронте», главном Интернет-форуме белых националистов. Там они защищают свои взгляды на раздельное развитие рас и антисемитские воззрения от традиционных фашистов, многие из которых взирают на политику «Третьей позиции» со скептицизмом, если не с откровенной враждебностью. Понятно, что слушать, как белые националисты хвалят исламистских, коммунистических и анархистских мыслителей для некоторых правых так же тяжело, как и для левых.

Бенуа и европейские «Новые правые»

Помимо фашизма «Третьей позиции» идеологическое влияние на национал-анархистов оказали европейские «Новые правые», особенно мыслитель Ален де Бенуа. Национал-анархистам пришлось по душе его идеи относительно расы, политической децентрализации и «права на различие».

Бенуа основал интеллектуальный центр «GRECE» и на протяжении всей жизни создает интеллектуально-респектабельный фасад для фашистских в своей основе идей. Подобно Саусгейту, Бенуа громко провозглашает, что не является фашистом, однако ученые, такие как Роджер Гриффин, полагают иначе. По словам Гриффина, «Новые правые» могли «в конце 80-х гг. похвастаться вполне значительным достижением: они осуществили «переделку» классического фашистского дискурса настолько успешно, что – по меньшей мере на поверхности – он изменился до неузнаваемости» (32).

Бенуа развил идею союза европейских наций с Третьим миром против главных врагов: США, либерализма и капитализма. Однако в отличие от фашистов, которые желали объединить Европу в сверхгосударство, Бенуа призывает к радикальному федерализму и политической децентрализации Европы. Роджер Гриффин описывает это представление следующим образом:

Плюралистическое, мультикультурное общество либеральной демократии должно уступить место не культурно скоординированному, харизматическому и – в фашистском варианте – расово чистому национальному сообществу, близкому к нации-государству, а союзу однородных этно-культурных сообществ (этносов) в рамках федералистской европейской «империи» (33)¹.

Бенуа включил в свои теории многие положения уточненной левой критики, иногда звучащие в духе марксистов Франкфуртской школы. Сегодня он обличает капитализм, либерализм, общество потребления, христианство, универсализм и уравниловку. Он защищает язычество, «органическую» демократию и Третий мир. Он ставит под вопрос роль бесконтрольной технологии, поддерживает экологизм и своеобразную версию феминизма (34). Он отвергает биологический детерминизм и утверждает, что «раса» является культурным понятием (35). Саусгейт разделяет практически все эти положения, причем не обязательно все из них заложены в «Третьей позиции».

В силу подобных взглядов европейские «Новые правые» весьма отличаются от американских «Новых правых» и предают анафеме христианство и свободный рынок последних. Европейцы ближе к

1 Подобно «Новым правым», «национал-анархисты» заявляют, что они не являются расистами и фашистами, поскольку выступают не за иерархию среди «этносов», а за их «равенство» при сохранении их «идентичности», то есть их несмешиваемости. Трой Саусгейт заявляет: «Мы верим в политическую, социальную и экономическую децентрализацию. Иными словами, мы хотим увидеть позитивную эволюцию, при которой все бюрократические субъекты, такие как ООН, НАТО, ЕС, Всемирный банк и даже нации-государства будут искоренены и последовательно заменены автономными поселениями – коммуна-ми», см.: Troy Southgate. *What is National-Anarchism?* // *Folk and Faith*. Некоторые «национал-анархисты» даже допускают, что такие этнически-чистые общины могут сосуществовать со «смешанными». Как утверждает Кейт Престон, «национал-анархисты» выступают за модель общества, при которой общины, практикующие отделение на основе таких факторов, как этничность, религия или сексуальная ориентация, сосуществуют со «смешанными» или «интегрированными» сообществами, см.: Preston. *National-Anarchism and Classical American Ideals: Is A Reconciliation Possible? Food for the European Mind*. <http://www.webcitation.org/5eek58jcD>. Retrieved on 2008-02-18. «Расовая ненависть» при этом осуждается. По словам Саусгейта, «мы ищем наше собственное пространство, где могли бы жить согласно собственным принципам, см.: Miron Fyodorov. *Interview with Troy Southgate for Kinovar, Russia* (прим.перев.).

палеоконсервативной традиции в США и контактируют с Рокфордским институтом, издающем «Chronicles».

Главная теоретическая формулировка Бенуа – это «право на различие», которое поддерживает культурную однородность и разделение различных этнокультурных групп. В этом смысле он распространяет идею о «национальном самоопределении», с которой выступали антиимпериалистические левые, на микронациональные группы Европы (иногда это называют «Европой ста флагов»). «Право на различия» оказало влияние на антииммигрантскую политику Национального фронта Ле Пена во Франции, и некоторые члены GRECE вступили в эту партию, хотя сам Бенуа критикует Ле Пена (36).

Бенуа оказал влияние и на «белый сепаратизм» в США. Основанный чаще всего на требования сепаратной территории белой нации в Айдахо, Монтане, Орегоне, Вашингтоне и Вайоминге, «белый сепаратизм» стал популярной идеей в кругах белых националистов с начала 1980-х гг.(37). Такая программа децентрализации регионов подкреплялась появившимися в то же время организационными схемами децентрализации. Луим Бим ратовал за «сопротивление без лидеров» и стратегию «одиноких волков» для крайне правого терроризма (38), а пастор «Христианской идентичности» Боб Майлз стал именовать себя «кланархистом».

Бенуа демагогически заявляет, что он – антирасист. Расизм, говорит он, это функция универсалистских идеологий, таких как либерализм и марксизм, которые стирают региональные и этнические идентичности. «Расизм, – заявляет он, – это отрицание различий» (39). Однако Тагиефф, пронизательно наблюдающий за «Новыми правыми», фиксирует в сердцевине этой формы фашизма «миксофобию», страх перед смешением. Это элемент «более мягких, новых и эвфемистских форм расизма, расхваливающих различия (гетерофилия) и подменяющих «расу» «культурой»» (40).

Эти «Новые правые» идеи оказали очевидное влияние на «национал-анархистов». В Австралии национал-анархистская группа из практических соображений соединяется с «Новыми правыми» Австралии – Новой Зеландии», и заявляет, что «“Новые правые” – это теория, а национал-анархизм – практика» (41). В Британии Трой Саусгейт участвует во встречах «Новых правых» с 2005 г. (42). Однако в то время как Бенуа утверждает, что он не питает ненависти к иммигрантам, отрекается от антисемитизма и одобряет феминизм, «национал-анархисты» демонстрируют, чем оборачиваются идеи «Новых правых» на практике: жесткий расовый сепаратизм, откровенный антисемитизм, гомофобия и антифеминизм. «Право на различия» ведет к сепаратным этническим общинам-поселениям.

«Новые правые» оказали также некоторое влияние на часть левой интеллигенции. В США влиятельный журнал «Телос» (известный публикацией текстов западного марксизма на английском) сдвинулся вправо в 1990-х гг., когда его издатель стал демонстрировать симпатии к европейским «Новым правым» и публиковать произведения Бенуа (43). Он продолжает публиковать Бенуа и изучает идеи нацистского теоретика права Карла Шмитта. Многие левые сегодня предали этот некогда уважаемый журнал анафеме (44).

Ричард Хант

Хотя Бенуа выступает за децентрализованные федералистские политические структуры, австралийские «Новые правые» ясно дают понять, что далеки от анархизма как такового (45). Однако на «анархизм» ссылается Ричард Хант с его понятием «поселений» (общин). Сначала Хант был издателем британского журнала «Green Anarchist», который выступал за экологическую, антииндустриалистскую этику. Затем он был исключен из издательского коллектива за свои крайне правые взгляды и основал «Green Alternative». Последнее издание рассматривается как «экофашистское».

Хант разделяет апокалиптическое представление о постиндустриальном обществе в духе «Безумного Макса» (Mad Max). По словам Саусгейта: «говорить, что идеи Ричарда Ханта очень сильно повлияли на нас, – это преуменьшение». Когда Хант заболел, Саусгейт взял на себя издание его журнала (46).

Хантовская критика перекликается с экологическим течением в классическом фашизме, которое представлял, например, гитлеровский министр сельского хозяйства Вальтер Дарре. В одной из статей Саусгейт не скрывает своего восхищения идеологией «крови и почвы» Дарре (47), а в другой статье обеляет его, называя «националистом-экологом» (48). Многие другие современные фашистские группы, особенно «Белое арийское сопротивление» в США, также исповедуют экологизм.

Гомофобия, антисемитизм, антифеминизм

«Национал-анархисты» вполне откровенно выражают свой антифеминизм, представителей ЛГБТ они намерены ограничить на отдельных пространствах, но стремятся замаскировать свой глубинный антисемитизм. Трой Саусгейт говорит о феминизме: «Феминизм опасен и неестественен... поскольку он игнорирует взаимодолжную связь между полами и побуждает женщин бунтовать против своих врожденных женских инстинктов» (49).

Более интересно отношение к гомофобии. Саусгейт говорит:

Гомосексуальность противоречит Естественному порядку вещей, поскольку содомия, – бесспорно, неестественный акт. Такие группы, как «Outrage» ведут кампанию не за любовь между мужчинами – каковая всегда существовала в братской или отцовской форме – они создали обширный культ, который привел к росту числа сексуальных сношений в туалетах, изнасилований мужчин и сексуальных домогательств к детям... Но мы не пытаемся удерживать гомосексуалистов от таких действий, как это делают христианские моралисты или фанатичные цензоры. Главное, чтоб такое поведение не наносило ущерба грядущим национал-анархистским общинам, а что движет людьми в других местах, нам не интересно (50).

Эта схема подразумевает, что ЛГБТ будут предоставлены отдельные «поселения». Недавние «национал-анархистские» демонстрации в Сан-Франциско были направлены против двух мероприятий, которые организируются в основном ЛГБТ: фестиваля Фолсом-стрит и связанного с ним фестиваля «Подними свой переулочек». Инициатор «национал-анархистских» демонстраций «Энди» сообщил, что он «расист» и ненавидит ЛГБТ.

«Энди» отрицает обвинения в антисемитизме, выдвигаемые против «национал-анархистов», заявляя, что они лишь ведут «постоянную критику Израиля и его сторонников» (51), как это делает большинство левых и анархистов. Мы снова имеем дело с типичной лицемерной попыткой «национал-анархистов» уйти от критики. Антисемитизм является важным элементом в политическом мировоззрении Саусгейта и Херферса.

Саусгейт активно пропагандирует работы отрицателей Холокоста, включая деятелей Института изучения истории, и придерживается антисемитских теорий международного еврейского заговора. Для прикрытия он использует иногда эвфемизм «сионист»; к примеру, говорит, что «сионисты хорошо известны своим космополитическим взглядом на жизнь, связанным не в последнюю очередь с тем, что сторонники этого нечестивого дела не имеют собственных органичных корней» (52). В другом интервью он говорит: «нет сомнения в том, что мир безжалостно управляется (хотя, вероятно, не полностью контролируется) международным сионизмом. Это было достигнуто благодаря росту ростовщической банковской системы» (53). Он говорит, что хотя подлинность «Протоколов сионских мудрецов» (фальшивки, являющейся самым популярным в мире антисемитским текстом) и не доказана, но эта книга «отражает многие события в современной мировой истории» (54).

А вот австралийский единомышленник аналог Уэлф Херферс более откровенен в своем антисемитизме. В одной из речей он назвал Холокост «экстраполяцией», которая «оказалась чрезвычайно прибыльной

для евреев и поставила послевоенную Германию и Европу на колени». Израиль он назвал «самым могущественным государством Западного мира». И заключает, что, «освободив Германию от подчинения Израилю и построив новую Германию на основе нового «народного сообщества», немецкие националисты освободят Европу и Запад как таковой» (55).

Заключение

Новые группы «национал-анархистов», привлеченные Интернет-активизмом Саусгейта, перешли от обсуждения своих характерных идей в Интернете к превращению их в основу для реальной политики, присоединяясь к демонстрациям в Австралии и Сан-Франциско. В различных странах и на разных языках продолжают появляться веб-страницы и блоги.

Опасность «национал-анархистов» не в их политической силе (она маргинальна), а в том, насколько они способны открыть новаторский путь, на котором фашистские группы могут обрести новую форму и поставить свой проект на новый фундамент. «Национал-анархисты» отказались от значительной части традиционной фашистской практики – в том числе от прямых отсылок к неонацизму и привлечения кадров из агрессивной скинхедской культуры. На место всего этого пришел более размытый и изощренный подход... Их культурные предпочтения – нео-фолк и готическая музыкальная сцена, претендующая на большую утонченность по сравнению с жесткой субкультурой скинхедов. «Национал-анархисты» отказались от явных отсылок к фашистским режимам Гитлера и Муссолини и часто заявляют, что вовсе не являются «фашистами».

Подобно европейским «Новым правым», «национал-анархисты» приспособили изощренную левую критику современного общества и занимались у левых символику и культурные ориентиры. В качестве решения проблем они предлагают отделение рас («культур») друг от друга. Эту новую форму они пытаются использовать, чтобы избежать клейма старого, дискредитированного фашизма. И если «национал-анархисты» добьются успеха наподобие национал-большевикам в России, они вдохнут в свое движение новую жизнь. Хотя достижения «национал-анархистов» пока что малочисленны, они могут нанести ущерб левым социальным движениям, их курсу на социальную справедливость и равенство: ведь вместо этих ценностей «национал-анархисты» распространяют среди активистов элитаристские идеи, основанные на сегрегации, гомофобии, антисемитизме и антифеминизме.

http://www.publiceye.org/magazine/v23n4/rebranding_fascism.html

Перевод: В.Граевский

Примечания

1. Chip Berlet. *Right Woos Left: Populist Party, LaRouchian, and Other Neo-fascist Overtures to Progressives and Why They Must Be Rejected*. Cambridge, MA: Political Research Associates, 1994.
2. Jeffrey Kaplan, Tore Bjurgo (eds.). *Nation and Race: The Developing Euro-American Racist Subculture*. Boston: Northeastern University Press, 1998.
3. О привлечении активистов контркультур см.: Nick Griffin. *National Anarchism: Trojan Horse for White Nationalism // Green Anarchy*. # 19. Spring 2005. О распространении «национал-анархистских» идей среди членов БНП см. комментарии Троя Саусгейта.
4. Roger Griffin. *The Nature of Fascism*. New York: St. Martin's Press, 1991. P.38.
5. E-mail Троя Саусгейта на Национал-анархистской рассылке, message #26659. 30 ноября 2003.
6. Jeffrey Bales. 'National revolutionary' groupuscules and the resurgence of 'left-wing' fascism: the case of France's Nouvelle Resistance // *Patterns of Prejudice*. V.36. #3. 2002. P.25–26.
7. Anti-Fascist Forum (ed.) *My Enemy's Enemy*. Montreal: Kersplebedeb, 2003. P.31.
8. Don Hammerquist, J. Sakai, et al. *Confronting Fascism*. Montreal: Kersplebedeb, et al, 2002. P.35–38.
9. О союзе между некоторыми частями антиглобалистского движения и исламистами см.: Andrew Higgins. *Anti-Americans on the March // Wall Street Journal*. 9 December 2006. P.A1. О примере того, как современные левые призывают к открытой терпимости в отношении антисемитизма см.: Rami El-Amine, *Islam and the Left // Upping the Anti*. #5. October 2007.
10. Troy Southgate. *Transcending the Beyond: From Third Position to National-Anarchism // Pravda*. 17 January 2002.
11. Graham Macklin. *Co-opting the Counterculture: Troy Southgate and the National Revolutionary Faction*. // *Patterns of Prejudice* 39. no. 3. 2005. P.325.
12. Macklin, P.325.
13. Troy Southgate. *The Case for National-Anarchist Entryism*.
14. *Neo-Nazis Join Animal Rights Groups*. // *Sunday Telegraph*. 19 June 2001.
15. Macklin, P.318.

16. См.: URL.
17. Цит. По: Roger-Pol Droit. *The Confusion of Ideas // Telos* 98-99. Winter 1993-Spring 1994. P.138. GRECE расшифровывается как «Группа по исследованию и изучению европейской цивилизации».
18. Martin A. Lee. *The Beast Reawakens*. Boston: Little, Brown & Co, 1997. P.168-183; Kevin Coogan. *Dreamer of the Day*. Brooklyn: Autonomedia, 1999. P.191-192. О влиянии Йоки на Саусгейта см.: Macklin, P.320.
19. Lee, P.450 n40. См. также: Southgate, «Transcending the Beyond.»
20. Интервью с Троем Саусгейтом: *Interview with Troy Southgate, Conducted by Graham Macklin*.
21. Macklin, P.303-34; Martin A. Lee, Kevin Coogan. *Killers on the Right // Mother Jones* 12, no. 4. May 1987. P.45.
22. Macklin, P.317-318.
23. Troy Southgate. *Was 'Fascism' Outside of Germany and Italy Anything More Than An Imitation?; Revolution versus Reaction: Social-Nationalism & the Strasser Brothers*.
24. Troy Southgate. *Enemy Within? Hizb-ut Tahrir, Al- Muhajiroun, & the Growing Threat of Asian Colonisation*.
25. Chip Berlet, Matthew Lyons. *Right-Wing Populism in America*. New York & London: Guilford Press, 2000. P.269-270; см. также: Betty Dobratz, Stephanie Shanks-Meile, «White Power, White Pride!» *The White Separatist Movement in the United States*. New York: Twayne Publishers, 1997. P.262-267. О Майлзе см.: Lee, P.340-341.
26. Как заявляет Саусгейт, «У нас также великолепные отношения с национал-большевиками, такими как Американский фронт (AF), которые, хотя и не разделяют наших анархических склонностей, но по существу решают весьма сходные задачи». См.: Synthesis Editor Troy Southgate, *Interviewed by Dan Ghetu*.
27. Berlet, Lyons. P.267.
28. Вэб-сайт Anti-Globalism Action Network. См. также: Center for New Community. *Neo-Nazi Infiltration of Anti-Globalization Protests // Center for New Community*. 22 June 2002; Anti-Defamation League. *Purported 'Anti-Globalization' Web Site Fronts for Neo-Nazi Group*. 12 July 2002. О демонстрации в г.Вашингтоне см.: Anti-Defamation League. *Neo-Nazis Rally in Nation's Capital*; Susan Lantz *Fascists Countered In D.C. // Baltimore IMC*. 28 August 2002; *Washington, DC: National Alliance Rally a Huge Bust. // Infoshop News*. 24 August 2002.

29. Bill White. *Anti-Globalist Resistance Beyond Left And Right: An Emerging Trend That Is Defining A New Paradigm In Revolutionary Struggle* // Pravda Online, November 2, 2001.
30. folkandfaith.com базируется в Айдахо-Фоллс, штат Айдахо. bayareanationalanarchists.com/blog базируется в районе Калифорнийского залива. Оттуда же происходит банда наци-скинхедов «Американский фронт», входящая в NRF. attackthesystem.com – еще один сайт сторонников «национал-анархизма».
31. См.: Griffin. Издающийся в США журнал «Green Anarchy» не следует путать с британским журналом «Green Anarchist», несмотря на идейное сходство. «Green Anarchy» резко критикует «национал-анархизм».
32. Roger Griffin. *Plus ca change! The Fascist Pedigree of the Nouvelle Droite*. Рукопись. August, 1998. P.5.
33. *Plus ca change!* P. 4.
34. Alain de Benoist, Charles Champetier. *The French New Right in the Year 2000* // Telos, no. 115. Spring 1999. P.117–144.
35. Таких взглядов придерживались многие фашистские интеллектуалы, включая раннего фашистского лидера Отто Штрассера, итальянского философа-окультиста Юлиуса Эволу, американского теоретика «Третьей позиции» Фрэнсиса Паркера Йоки и нацистского теоретика права Карла Шмитта. О дискуссии относительно «духовного» понимания расы в противовес «биологическому» см.: Coogan, 313 n38. P.481. См. также: Lee, P.96.
36. Три интервью с Аленом де Бенуа // Telos, no.98- 99. Winter 1993-Spring 1994. P.173–207.
37. Dobratz, Shanks-Meile. P.99.
38. См.: Jeffrey Kaplan. *Leaderless Resistance*. // *Terrorism and Political Violence* 9 no. 3. Autumn 1997. P.80–95; см. также: Dobratz, Shanks-Meile, P.171-174, 267–268. О влиянии на Троя Саусгейта см.: Macklin, P.312. Сочинение Бима помещено также на сайте австралийских «национал-анархистов».
39. Три интервью с Аленом де Бенуа, P.180.
40. Pierre-Andre Taguieff. *The New Right's Vision of European Identity* // Telos, no.98-99, Winter 1993- Spring 1994. P.123.
41. *New Right Australia New Zealand Committee. Statement of New Right on National-Anarchism and Australian Nationalism*.
42. Об интеллектуальном влиянии «Новых правых» на Саусгейта см.: Macklin, P.306.
43. Telos no. 98-99, Winter 1993 - Spring 1994.

44. Tamir Bar-On. *Where Have All the Fascists Gone?* Burlington, VT: Ashgate, 2007.
45. См.: *New Right Australia New Zealand Committee*.
46. Synthesis Editor Troy Southgate, Interviewed by Wayne John Sturgeon; см. также: Macklin, P.312–313.
47. Southgate. *Blood and Soil*.
48. Troy Southgate. *The Guild of St. Joseph and St. Dominic. О связи между германскими нацистами и экологией см.: Janet Biehl, Peter Staudenmaier. Ecofascism: Lessons From the German Experience. San Francisco: AK Press, 1995.*
49. Southgate, Sturgeon interview.
50. Southgate, Sturgeon interview.
51. *Asmeat salad: Nick Griffin, Green Anarchy, and a concoction of fallacies. Bay Area National Anarchists, October 7, 2007.*
52. Troy Southgate. *Manifesto of the European Liberation Front, 1999.*
53. Southgate, Sturgeon interview.
54. Troy Southgate. *Oswald Mosley: The Rise & Fall of English Fascism Between 1918-45.*
55. Welf Herfurth *On Kameradschaft.*

Содержание

Паоло Вирно. Тезисы о новом европейском фашизме	3
Кристина Кайндль. Неолиберальные изменения в способе производства и правая политика при дефиците репрезентации	9
Спенсер Саншайн. Новое имя фашизма: национал-анархисты	18